Бухарин Н.И.
Итоги пленума ИККИ.

Харков, 1927

ИМЛ—Библиотека
EH121
И971

Н. И. БУХАРИН

EH121Kt
N971

ИТОГИ ПЛЕНУМА ИККИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ“

Н. И. БУХАРИН

ЕН 121
И 971
X

ИТОГИ ПЛЕНУМА ИККИ

ДОКЛАД НА ПЛЕНУМЕ
МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА ВКП(б)
4-го ИЮНЯ 1927 г.

2813

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ"
1927

К.

[327 : 32 к]

ЕН121
П971

Типография издательства „Пролетарий" Харьков Пушкинская ул. 40

СФ
986

~~5747 с.1~~

БИБЛИОТЕКА
Ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

1049925

СССР
Институт
Ленинизма
Ц.В.К.

(~~3220~~
27.)

Укрглавлит № 2047—к Заказ № 291 Тираж 10000

Товарищи! Значение только-что закончившегося пленума ИККИ, несмотря на то, что формально это был обыкновенный очередной пленум Исполнительного Комитета, будет отнюдь не меньше, а, может быть, даже и больше, чем значение расширенных пленумов. Его значение будет велико потому, что работы пленума совпали с совершенно исключительным международным положением, исключительным по целому ряду причин. Прежде всего, во время работ пленума совершился ***акт разрыва дипломатических отношений между Советским Союзом и Британской империей***, что, конечно, подчеркнуло особенно резко всю остроту международного положения. Работы пленума совпали, далее, ***с новой полосой*** в развитии ***китайской революции***, которая сама по себе имеет огромное всемирно-историческое значение. Уже этих двух „событий" целиком достаточно для того, чтобы пленум, который в первую очередь должен был на эти события реагировать, получил особое значение в истории развития коммунистического

движения и в истории борьбы Коммунистического Интернационала. Этот пленум имел, наконец, особое значение и в силу выступления на нем нашей ***оппозиции.*** Разумеется, этим я не хочу поставить это выступление в один ряд и в какое бы то ни было сравнение с фактами крупнейшего исторического значения. Однако и этот факт должен быть отмечен, тем более, что это выступление отличалось от предыдущих выступлений со стороны оппозиционеров как по своей форме и по своему тону, так и по своему содержанию. Никогда еще оппозиция не выступала так резко, так антипартийно и в то же самое время так „решительно", как она выступала на только-что закончившемся пленуме Исполнительного Комитета.

Прежде всего, я должен буду остановиться на ***важнейших проблемах***, которые подлежали рассмотрению и решению пленума. Три основных вопроса стояли в порядке дня работ: вопрос о борьбе с военной опасностью и с войной в связи с общим международным положением; китайский вопрос и вопрос английский. Затем к этому присоединился еще четвертый вопрос, вытекавший из самого хода пленума, а именно—оценка выступления оппозиции.

Далее шел ряд вопросов более узкого „делового" характера: о принятии партии на острове Куба в Коммунистический Интернационал, о сроке созыва следующего конгресса Коминтерна и целый ряд второстепенных вопросов, о которых можно здесь не говорить.

О борьбе с войной.

В связи с общим международным положением встает проблема ***борьбы против военной опасности и борьбы против войны.*** В своем настоящем докладе я исхожу из предпосылки, что всем отлично известна ***общая*** оценка международного положения. Все мы сейчас абсолютно единодушны в том, что нашей партии и Коминтерну необходимо в упор поставить вопрос о возможном нападении на Союз Советских Социалистических Республик. Все мы исходим из того неоспоримого факта, что в ***Китае*** мы имеем налицо капиталистическую интервенцию против сил китайской революции; все мы исходим из предпосылки, которая стала или становится почти аксиомой, предпосылки, которая гласит, что ***английское правительство*** систематически подготовляет не только окружение Советского Союза вообще, но что оно систематически подготовляет ***военные*** выступления против Советского Союза.

Проблемы, которые ставил перед собой Исполнительный Комитет Коминтерна, и которые требовали своего разрешения, вытекают из ***своеобразия*** теперешней международной обстановки, которая чрезвычайно отличается от положения в 1914 году, т. е. на пороге первой „великой" империалистской мировой войны. Поэтому задачи, которые перед нами станут, будут отличаться от задач, которые стояли перед организациями революционного пролетариата в 1914 году. Целый ряд

проблем, лозунгов, различных тактических задач, которые будут возникать перед нами, неизбежно должны отличаться от проблем, лозунгов и задач, поставленных перед большевиками первой мировой войны. Главнейшее отличие надвигающихся на нас событий, по сравнению с событиями 1914 г., заключается в том, что мы будем иметь дело не с борьбой империалистических государств между собою,—хотя такая борьба тоже не исключена,—но, в *первую очередь*, борьбу империалистских государств против *Советского Союза*, с одной стороны, и против *китайской революции*—с другой. Наличие Союза пролетарских республик, наличие—наряду с ним, под его большим влиянием—великой китайской национально-освободительной борьбы, которая в известной своей части уже приняла государственные формы и имеет свой организованный государственный центр,—наличие этих двух крупнейших исторических фактов, само собой разумеется, не может не влиять на постановку целого ряда вопросов и на решение этих вопросов со стороны Коминтерна.

1. Методы борьбы. О всеобщей стачке и восстании.

Перехожу теперь к вопросу о методах борьбы. Два важнейших документа обычно цитируются, когда принимаются эти вопросы: резолюция Базельского конгресса II Интернационала с известной поправкой к этой резолюции, предложенной тов. Лениным и Розой Люксембург еще в

Штуттгарте и перенесенной в базельскую резолюцию, где говорится что, в случае войны, необходимо будет „всемерно использовать вызванный войной экономический и политический кризис, чтобы поднять народ и тем ускорить падение господства капитала" (*Ленин*, собр. соч., XIII, 521). С другой стороны, приводится один из последних по счету документов, который дает точные указания по вопросу о борьбе с войной, а именно— известная инструкция тов. Ленина нашей делегации на съезд разного рода (профсоюзных, кооперативных, пацифистских и проч.) организаций в *Гааге*. В этой инструкции Ленин во главу угла ставит положение, что необходимо бороться во что бы то ни стало с нелепым и глупым представлением, будто можно на войну „*ответить*" всеобщей стачкой или революцией; что на самом деле большинство трудящихся будет в первые дни неизбежно решать вопрос войны в пользу своего буржуазного отечества; что необходимо разоблачать во что бы то ни стало такую позицию, когда люди думают, будто у них в руках имеются средства, являющиеся панацеей от „зла" войны, что нужно разоблачать оппортунистов, полупацифистов у пацифистов и т. д.; когда они воображают, будто „знают", как бороться с войной; что необходимо бороться с *фразой*, что на войну можно „ответить" всеобщей стачкой или революцией. В указанных положениях лежит центр тяжести инструкции, написанной тов. Лениным. В работах наших комиссий возникали различные толкования того,

какое отношение имеет эта инструкция Ленина к базельской резолюции. Нужно иметь в виду, что формула базельского манифеста заимствована из документа, принятого еще на Штуттгартском конгрессе. Первоначальный текст поправки *прямо* говорил о революционных действиях (т. е. стачке и восстании). В базельской резолюции упоминается о Парижской Коммуне и революции 1905 г., в которой, как известно, всеобщая стачка и восстание были „высшими формами" борьбы. Таким образом, лозунг всеобщей стачки и вооруженного восстания скрыто был выставлен, как лозунг, который определяет наш путь во время подготовки к военным операциям со стороны буржуазии и затем, далее, во время самой войны. А с другой стороны, в гаагской инструкции говорится, что *нелеп* разговор об „ответе" на войну революцией; что необходимо *трезво* учесть положение вещей и исходить из того, что в начале войны большинство трудящихся будет решать вопрос о войне *в пользу* своего буржуазного отечества и т. д. Я отмечу те оттенки мнений, которые выявились в процессе работы комиссии, и как, в конце концов, мы решили этот вопрос. *Один* оттенок мнения, который можно, примерно, формулировать таким образом, необходимо выставлять без всяких оговорок: лозунг всеобщей стачки и лозунг вооруженного восстания в качестве директивы, которую компартии обязаны принять к сведению и руководству в период подготовки к войне со стороны империалистических держав и во время этой войны. *Другой* оттенок:

необходимо центр тяжести перенести именно на разоблачение возможности ответа на войну всеобщей стачкой, революцией, восстанием и проч.

Как нужно правильно ответить на этот вопрос? Прежде всего нелепо *противопоставлять* один документ другому; нелепо противопоставлять резолюции Штуттгарта и Базеля с их требованием учета массовых битв коммунаров и революции 1905 года — „инструкциям" Ленина гаагской делегации, где речь идет о необходимости трезвейшей, внимательной, безиллюзорной оценки того положения, которое создается в первые дни войны.

Указания тов. Ленина, данные в гаагской инструкции, необходимо толковать таким образом, что они вовсе не направлены против лозунга всеобщей стачки и вооруженного восстания как методов борьбы с военной опасностью и методов борьбы с войной. Эти указания тов. Ленина нужно интерпретировать—и это есть единственное правильное толкование—как указания, направленные против *фразы*, против пустозвонной *фразы* о всеобщей забастовке, революции и вооруженном восстании как „ответе" на войну и проч. Ленин отнюдь не боролся против этих лозунгов самих по себе. Ленин боролся со всей политической страстностью против *фразы*, против пустой реформистской фразы. Мы отлично знаем, что целый ряд социал-демократических конгрессов, целый ряд профессиональных конгрессов, целый ряд вождей социал-демократической партии неоднократно за-

являли, что они на войну „ответят“ всеобщей стачкой. Точно также целый ряд героев так называемого „революционного“ синдикализма проповедывали эту всеобщую стачку как избавление от всех зол. А между тем, ни тот ни другой лагерь палец о палец не ударил, чтобы *заранее, систематически, изо дня в день* вести *подготовку* к борьбе с войной. Само собой разумеется, что если бы кем-нибудь был выставлен лозунг революции и восстания в „ответ“ на войну как некоторый однократный акт, то это было бы пустой похвальбой и обманом масс в том случае, если бы соответствующие люди изо дня в день не вели *систематической* подготовки, идущей в сторону *организации* всеобщей стачки, *организации* восстания, *организации революции* в связи *с точным марксистским учетом объективной обстановки.*

Решающей с точки зрения Ленина была—и решающей с точки зрения коммунистической партии должна быть—такая ориентация наших партий, которая кладет во главу угла в качестве самого главного, самого основного, самого решающего, самого необходимого, что составляет душу проблемы, современную *подготовку* к борьбе против войны.

Эта подготовка предполагает создание нелегальной организации, работу среди солдат и матросов, энергичную работу среди профессиональных союзов, систематическое разъяснение социалистической и оппортунистической лжи, систематическую работу по пропаганде большевистских идей

в борьбе с войной и напряжение всех сил для мобилизации нелегальных и легальных, военных, гражданских и всяких иных агитационно-пропагандистских работников в деле борьбы с военной опасностью. Вот как можно и должно ставить вопрос. Тот, кто в ответ на опасность войны *кричит* о всеобщей стачке,—тот болтун, если не предатель. Тот, кто кричит, что рабочий класс „ответит" на войну революцией,— тот болтун: вздором является представление о революции как однократном акте „ответа". Обманом рабочих являются посулы такого „ответа" без предварительной бешеной работы.

В этом заключается смысл той инструкции, которую тов. Ленин дал нашей делегации. Следовательно, „гаагская" инструкция ни в малой степени *не противоречит* базельской „инструкции". Нельзя противопоставить эти два документа, как нечто взаимно исключающее. Наоборот, один дает *ориентирующие* лозунги и *ориентирующие методы борьбы*, а другой говорит, в чем лежит центр тяжести борьбы за то, чтобы эти лозунги *не остались на бумаге*, а были и *действенными* лозунгами, которые, в конце концов, приведут к соответствующим политическим результатам.

В начале доклада я говорил, что существование советских республик и китайской революции видоизменяют и объективное положение, и течение событий, и постановку задач революционного пролетариата. Само собой разумеется, что если бы речь шла относительно войны между империали-

стическими государствами, то с большой долей вероятности можно было бы сказать, что большинство трудящихся масс вначале стало бы на сторону своего правительства, снова запуталось бы в вопросе о том, кто на кого напал, и т. д. Но существование китайской революции и существование Союза Социалистических Республик, в особенности при той мирной политике, которую Союз Социалистических Республик ведет и будет вести, несколько видоизменяют этот прогноз. Ибо понятно, что большинство трудящихся с гораздо более тяжелым сердцем пойдет—если пойдет—против Союза Социалистических Республик. Совершенно понятно, что английскому правительству легче бросить свои войска на французский империализм, чем на рабочих и крестьян Советских Республик.

Здесь есть известное различие. А именно: буржуазным правительствам гораздо труднее будет собрать своих наемных рабов и свои вооруженные силы против пролетарских республик и их национально-революционных союзников в Китае.

Как же решил ИККИ вопрос о методах борьбы? Эту проблему ИККИ решил так, что лозунг всеобщей стачки, лозунг восстания, лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую, все эти лозунги суть *ориентирующие лозунги нашей партии*; что центр тяжести лежит в *подготовке* к тому, чтобы их реализовать. *Когда* этот лозунг из агитационно-пропагандистского должен будет превратиться в лозунг, который не-

посредственно приведет к восстанию, к стачке; *когда* мы от *пропаганды* всеобщей стачки и вооруженного восстания перейдем к их непосредственному *осуществлению*,— нельзя предвидеть заранее. Мы можем предугадывать, что в огромном большинстве стран этого нельзя будет реализовать в самом начале войны. Это нужно уже сейчас ясно видеть, но что такие случаи могут быть, хотя бы в качестве исключительных явлений,— это несомненно. Время, *сроки*, когда агитационно-пропагандистские лозунги перейдут в лозунги непосредственного *действия*, будут определяться соответствующей обстановкой, наличностью революционной ситуации, крепостью коммунистической партии, определенным брожением среди масс, настроением среди верхушечных слоев,— одним словом, целым рядом объективных и субъективных предпосылок. Эти лозунги превратятся в лозунги непосредственного действия, когда пролетариат будет иметь шансы на то, что они могут быть осуществлены.

2. О центральном лозунге в борьбе против военной опасности и войны.

Вот первая проблема, которая стояла в работе пленума в связи с подготовкой к войне. Вторая проблема — вопрос о центральном лозунге для коммунистических партий для *текущего* момента, т. е. для данной *конкретной* обстановки. По этому вопросу точно также была очень интересная дискуссия в комиссии, работавшей в связи с этим

вопросом. На первый взгляд этот вопрос чрезвычайно прост, но при ближайшем его рассмотрении он оказался в теперешних условиях *более* сложным, чем в той постановке, в какой мы имели его в начале империалистической войны. Мы имеем тут ряд особенностей. Прежде всего война в *Европе* непосредственно не началась, и война против Советского Союза еще *непосредственно* не началась, а речь идет, в первую очередь, о нападении на Советский Союз. Советский Союз есть крупнейший политический фактор, на знамени которого написан *лозунг мира*. Теперь вспомним, как большевики ставили вопрос о центральном лозунге в начале империалистической войны и какие разногласия здесь были. Здесь были очень глубокие разногласия, отличавшие нас, большевиков, от всех других течений. Наиболее „левые" из наших противников, включая тов. Троцкого, выставляли *лозунг мира*, как центральный, объединяющий лозунг, а наша партия и ее Центральный Комитет были *против* лозунга мира как центрального лозунга и в качестве этого последнего выставляли лозунг *гражданской войны*, лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую. При этом партия выставляла этот лозунг не *наряду* с лозунгом мира, не в качестве такого лозунга, который *уживается* с лозунгом мира, а в качестве лозунга, который *исключает* лозунг мира. Мы вели тогда борьбу против всех наших противников, включая группу „Нашего Слова", во главе которой стоял т. Троцкий.

Они выставляли лозунг мира. Мы против лозунга мира выставляли лозунг гражданской войны. Этот лозунг гражданской войны мы рассматривали как самое мощное орудие борьбы со всеми иллюзиями пацифизма, включая иллюзии, которые существовали и в „левых" группировках, претендовавших на „революционно-интернационалистическую" позицию.

В теперешнем положении можем ли мы не признавать лозунга мира, когда Советские Республики, т.-е. государственные организации пролетариата, всеми силами защищают этот пароль и когда он соответствует действительным и насущным интересам этой крупнейшей и основной крепости международного пролетарского движения? Наконец, не следует забывать, что война в Европе еще *не* началась, что прямого военного нападения на СССР *еще* нет, хотя подготовка к нему идет на всех парах.

Вот, примерно, те моменты, которые показывают, насколько усложнилась теперь картина. Проще всего, казалось бы, решить вопрос таким образом: *так как* теперь войны еще нет; *так как* невозможно, чтобы лозунги пролетарского государства противоречили лозунгам коммунистических партий; *так как* самые широкие массы, несомненно, будут поддерживать лозунг мира; *так как* именно здесь происходит смычка между линией пролетарских республик и лозунгами широких народных масс,— то лозунг мира и нужно сделать *центральным лозунгом* для всех

коммунистических партий. Казалось бы, что именно эта постановка вопроса соответствует данной ситуации. Между тем, это не так.

Как же правильно подойти к вопросу о центральном лозунге для всех коммунистических партий, об основном и главном объединяющем лозунге для всего Коммунистического Интернационала? Для этого надо определить, где лежат *узлы* теперешних событий. Главные узлы теперешних событий лежат *в соотношении между Англией и СССР и в отношении империалистического фронта к китайской революции.* Непосредственная пружина всех этих международных переплетов, всевозможных конфликтов, блокировок, вооруженных нападений и т. д. находится сейчас в Китае: развитие китайской революции, это—динамическая сила, нарушающая все то равновесие, на котором зиждется период длительной передышки для нашего Советского Союза. Наряду с уверенным внутренним ростом социализма в СССР, быстрое развертывание *китайской революции* грозит опрокинуть капиталистическую стабилизацию. Итак, в *Китае* и в *Союзе Советских Социалистических Республик* завязаны узлы международных отношений.

Китайская компартия непосредственно обстреляна противниками. Можем ли мы выставить для китайской коммунистической партии лозунг мира в качестве основного лозунга? Я думаю, что стоит поставить такой вопрос, чтобы понять неправильность этого предложения. Китайская коммунисти-

ческая партия находится сейчас в таком положении, которое требует от нее величайшего боевизма, наступательного духа, я бы сказал военно-революционного духа. Если бы китайская компартия, находящийся под ее влиянием левый гоминдан, соответствующие военные организации и т. п. выставили лозунг мира, это означало бы лозунг мира с предателем Чан-Кай-ши, лозунг мира с империалистами и т. д., в момент, когда военная борьба против феодалов и империалистов есть составная часть революции, которая — пока-что — *развивается*. Таким образом, выставляя лозунг мира в качестве центрального лозунга, который должен был бы годиться для всех решительно партий, и в первую очередь, для китайской компартии, стоящей на аванпостном месте, мы попали бы в положение, когда *разлагали* бы силы одной из важнейших компартий. А вся политическая обстановка требует от этой партии не того, чтобы она кричала: „мир с феодалами", „мир с Чжан-Цзо-линон", „мир с Чан-Кай-ши", „мир с империалистами", а, наоборот, напрягала все усилия для развертывания борьбы против этих контрреволюционных сил. Вот как обстоит дело. Китайская компартия в настоящей политической конъюнктуре, в настоящей политической обстановке не есть *одна* из секций Коммунистического Интернационала, а есть такая секция Коминтерна, на которую возлагается крупнейшая политическая обязанность, такая секция, которая на своих плечах имеет огромную политическую ответственность;

1049925
986

БИБЛИОТЕКА
Ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

эта партия стоит непосредственно под обстрелом врага и с точки зрения развития международной революции занимает в настоящее время одно из самых почетных мест. Само собой разумеется, что и целый ряд других аргументов мог бы быть выставлен против лозунга мира, поскольку речь идет о борьбе с пацифизмом и т. д. После довольно больших дебатов в комиссии мы сочли за необходимое принять в качестве центрального и объединяющего лозунга—*лозунг защиты русской и китайской революции.* Мы полагаем, что этот лозунг является как раз тем лозунгом, который вполне соответствует конъюнктуре. Сюда укладывается решительно все: борьба против войны, превращение империалистической войны против нас в гражданскую войну, борьба за мир, выступления китКомпартии с лозунгом развертывания фронта против империалистов, Чан-Кай-ши, феодалов и т. д. и т. п. Любое действие, идущее по линии развертывания революционной борьбы, может быть обобщено этим лозунгом. Поэтому Исполнительный Комитет в своей резолюции принял лозунг *„защиты русской и китайской революции", как центральный лозунг для коммунистических партий.*

Вот основное о второй проблеме. Как вы видите, своеобразное решение вопроса и своеобразие лозунга, отнюдь не являющегося простым повторением лозунгов, которые мы имели в 1914 г., вытекают из некоторых крупнейших особенностей данной мировой обстановки.

3. Об обороне и нападении. О защите отечества.

Целый ряд других проблем точно также должны были подвергнуться соответствующему изменению. Все вы отлично помните, что одним из главных ударов с нашей стороны по отношению к социал-патриотам был удар по их „теории" оборонительных и наступательных войн со стороны империалистских государств.

В начале войны *каждое* империалистическое государство говорит, что на него „напали". Социал-шовинисты различных стран строили свою политику на „анализе" именно этого вопроса, вопроса о том, кто „напал", кто „обороняется". Между тем, наша большевистская позиция и наш большевистский ответ на этот вопрос заключались в том, что *самая постановка вопроса вздорна*, потому что в *империалистической* войне нет обороняющихся и нападающих, *все* стороны нападают. Объектами нападения являются колониальные страны. Что касается империалистических держав, то абсолютно вздорными являются попытки разграничения на „виновников", которые нападают, и „невинненьких", которые только защищаются.

Само собой разумеется, что *существование СССР* и такого факта, как *китайская революция*, такую *общую* постановку вопроса исключают, ибо здесь идет речь не о двух *империалистских* сторонах, а о классово-*различных* организациях государственной власти. При нашем конфликте между нами и

Англией мы не можем отказаться от такой постановки вопроса, что Англия на нас напала. Наоборот, мы должны говорить,— и это будет вполне соответствовать действительности,— что на нас нападают. Союз Советских Социалистичнских Республик *действительно* ведет политику мира. Нашим „нападением", если можно так выразиться, является в первую очередь наш *экономический рост*, но это есть категория совершенно иного порядка.

Еще более изменяют теперешние события постановку вопроса о *защите отечества*. Если в первую империалистическую войну для всех „великих держав" отрицалась защита отечества, ибо эти державы являлись *империалистскими* державами, то для *пролетарских республик* защита отечества, является, наоборот, первейшей обязанностью пролетарских партий. Если в капиталистических странах коммунистам нужно стоять на *пораженческой* точке зрения, то в Союзе Советских Социалистических Республик нужно стоять на точке зрения всемерной поддержки нашего пролетарского отечества. Если там нужно *отрицать* „защиту отечества", то у нас нужно всемерно ее *утверждать*. Это положение правильно по отношению к пролетарским республикам. Но оно правильно и по отношению к такому правительству, к такой государственной организации, какой является, скажем, национально-революционное государство в Китае, борющееся с империализмом.

Ленин в отличие от некоторых других ставил

совершенно ясно вопрос о защите отечества. Со всей силой обрушиваясь на социал-патриотических защитников *империалистских* отечеств, Ленин отнюдь не ставил вопроса так, что раз отечество не пролетарское, то нечего его и защищать. Ленин был крайне далек и от этого упрощенства. Он говорил, что „защита отечества" есть вульгарная, обывательская формула *оправдания войны*, и никакого другого смысла это изречение не имеет. Если, например, речь идет о защите английского отечества, то это есть не что иное, как ходячее выражение для оправдания войны, ведущейся английским империалистическим правительством. Если речь идет о защите *нашего* отечества, то это есть вопрос об оправдании войны, которую *мы* ведем. Ленин далее ставил вопрос таким образом, что *не всякая* война *только потому, что она война*, есть зло. Война есть зло — и против нее нужно бороться, поскольку она ведется со стороны империалистических государств; но мы можем и должны ее поддерживать не только тогда, когда у власти стоит *рабочий класс*, который защищает свое государство; война может быть поддержана и оправдана, когда она является *национально-прогрессивной*, национально-освободительной войной *против* империалистов, даже когда во главе ее не стоит еще пролетариат. Поэтому, например, если сейчас речь идет о защите отечества по отношению к китайской революции, мы, коммунисты, и в этом случае безусловно должны стоять за поддержку такой войны.

4. О союзах с буржуазными государствами. О лозунге братанья и перехода на сторону революционных армий.

Необходимо поставить и вопрос о возможности ***союзов с буржуазными государствами.*** Этот вопрос впервые поднимался еще на одном из конгрессов Коминтерна, при обсуждении программы. Если бы могла создаться такая комбинация, когда какое-либо буржуазное государство, в силу особых условий, во время огромных катаклизмов очутилось бы на стороне СССР, против империалистов, то антиимпериалистскую войну со стороны такого государства компартиям нужно было бы ***поддерживать.*** Если бы, например, какое-либо из восточных государств, не входящих в империалистскую коалицию, во время крупного конфликта между СССР и Англией, конфликта, в который была бы вовлечена вся Европа, оказалось бы в Союзе с СССР, а пролетарское государство имело бы право с коммунистической точки зрения заключить такой союз,— то коммунисты должны были бы ***поддерживать*** такой союз. Ибо перед нами было бы *не* империалистическое государство, а государство, которое воевало бы на стороне СССР *против* империалистов; это было бы не просто буржуазное государство, *а такое* буржуазное государство, штыки которого были бы повернуты против империалистического режима; оно было бы не составной частью империалистической коалиции, а неизбежно, независимо от своей воли, в силу

объективных условий, должно было бы сыграть роль известного придатка в антиимпериалистической коалиции во главе с *пролетарской* республикой. В одном месте Ленин прямо писал о революционном союзе Индии, Китая, Персии, при чем он *отнюдь не предполагал* при этом наличия *пролетарской диктатуры* в этих странах. Таким образом, вы видите, что и этот вопрос стоит сейчас на повестке дня.

Я упускаю целый ряд других вопросов, которые имеют второстепенное значение. Остановлюсь на лозунге, в котором, казалось бы, не должно быть никаких перемен, внесенных развитием современных событий, а именно на таком элементарном, специфически-большевистском лозунге, как лозунг *братанья*. Этот лозунг имел могучее, огромное значение в нашей борьбе с войной в годы первой мировой бойни.

Во время работы Исполнительного Комитета мы спрашивали себя, вносит ли теперешняя обстановка какие-нибудь изменения в *этот* лозунг? Можем ли мы так же, как в 1915—18 г.г., ставить при всех и всяческих условиях этот лозунг? Мы пришли к тому заключению, что теперешнее положение вносит в этот лозунг определенные *поправки*. Мы исходили прежде всего из опыта *нашей собственной гражданской войны*. Лозунг „братанья в траншеях" играл огромную роль, когда армии *империалистов*, царская армия или армия Керенского боролись против империалистской коалиции во главе с Германией. Но, когда *Красная*

армия шла на Юденича, на Колчака и т. д., выставляли ли мы тогда лозунг братанья? Нет, мы его не выставляли. Это — простой *факт*, который у всех на памяти.

Почему случилось так, что лозунг „братанья" играл большую роль во время *империалистической* войны, потом стушевался, когда мы имели Красную армию и эта Красная армия сражалась против противника? Мы пришли к такому выводу, что лозунг братанья, это — лозунг дезорганизации *обеих* братающихся сторон, когда друг против друга стоят *две* империалистические армии и когда лозунг братанья, поскольку он превращается в действительность, разлагает *обе* стороны. А если это так, то совершенно понятно, почему мы этого лозунга не выставляли тогда, когда мы имели уже свою, *революционную* армию, которая шла на противника. Этот лозунг есть обоюдоострое оружие, и нужна исключительная твердость со стороны братающихся с нашей стороны, чтобы этот лозунг братанья, самый процесс братанья не расшатал *нашей собственной революционной дисциплины*.

Мы приняли такую линию, что в том случае, когда речь идет о драке между империалистическими противниками, с одной стороны, и, скажем, пролетарской армией и национально-революционной армией, то нашим лозунгом должен быть лозунг *перехода* солдат с противоположной стороны на нашу сторону,— не лозунг братанья, а лозунг *перехода на нашу сторону*. Это не исключает процессов братанья, но их нужно совсем по-другому

организовывать, не звать всю массу лезть в окопы, а нужно иметь кадровых людей-пропагандистов, которых следует поразбросать в лагере противника, чтобы разлагать контр-революционную дисциплину врагов революции.

Итак, даже в такие элементарные, казалось бы, самоочевидные и абсолютно ясные лозунги, как лозунг братанья, современная обстановка, наличность советского пролетарского государства, наличность национально-революционной организации в Китае и т. д. заставляют внести известные поправки.

Борьба с войной и оппозиция.

В связи с военным вопросом я остановлюсь на „платформе" нашей оппозиции по этому вопросу. Общая оценка международного положения, которую оппозиция преподнесла нам на пленуме ИККИ, заключается в том, что мы в *настоящее время слабее, чем были раньше.* Оппозиционные товарищи перечисляли ряд поражений: поражение в Болгарии, в Эстонии, поражение в Германии в 1923 г., поражение при перевороте Чан-Кай-ши в Китае и т. д. Общий итог и общий баланс: мы сейчас слабее, чем были раньше.

Я считаю, что такая оценка прежде всего *неправильна.* Что поражения — и тяжелые поражения — *были*, это, конечно, факт. Но попыткой с негодными средствами является стремление вменить эти поражения в вину так называемому „оппортуни-

стическому" большинству Центрального Комитета, потому что целый ряд этих поражений совпал с кульминационным пунктом расцвета по *коминтерновской* линии руководящей роли тов. Зиновьева, а в Политбюро ЦК ВКП(б)—довольно крупной роли товарищей, которые сейчас в нем уже не состоят. Однако не на этом хотел я остановить ваше внимание. ***Неправильным является такой итоговый вывод, что мы сейчас слабее, чем мы были раньше.*** В Европе за последнее время произошла известная перегруппировка сил. Учет этого нашел свое выражение в тезисе о „частичной капиталистической стабилизации". Теперешнее положение вещей таково, что мы имеем временное укрепление европейского капитализма, в особенности капитализма центрально-европейского.

Абсолютным пустяком являются разговоры, отрицающие частичную стабилизацию капитализма. Экономика европейского капитализма окрепла, в первую очередь окрепло хозяйство *германского* капитализма. Сделаны огромные капитальные вложения в промышленность. И литературные данные, и экономические индексы, и показания товарищей, которые приезжают из этой страны,—они все говорят о подъеме хозяйства. Другой вопрос, что за этим последует. На почве малой емкости внутреннего рынка через определенное количество времени может произойти большой крах, но для ближайшего времени кривая развития может итти в гору. Таким образом, не подлежит никакому сомнению, что положение германского капита-

лизма укрепляется; равным образом не подлежит сомнению и то, что произошла *политическая* консолидация сил германского капитализма,— объединение аграриев и промышленников всех флангов, укрепление фашистской организации, консолидация этих организаций и их единый фронт, связанный с ныне существующим германским правительством. Разговоры о том, что *польский* капитализм быстро разлагается, тоже не верны; наоборот, налицо несомненная — и политическая и экономическая — временная *консолидация* польского капитализма. Это происходит в силу целого ряда причин. Вначале польским буржуа помогла английская стачка, а затем целый ряд вложений и займов со стороны, главным образом, американского капитализма. Итак, перегруппировка сил в сторону стабилизации капитализма, консолидация и укрепление его политических позиций в Центральной Европе не подлежат сомнению. Точно так же не подлежит никакому сомнению ошибка Зиновьева, который недавно говорил, что стабилизация уже исчезла.

Но наибольшая оригинальность существующего положения заключается в том, что та неравномерность развития капитализма, о которой мы говорили на VII расширенном пленуме Исполкома Коминтерна, обострилась за последнее время. Пестрота, разнообразие, противоположность в развитии *различных* частей мирового хозяйства получили еще более яркое выражение. И если мы можем отметить пока еще идущую вперед консо-

лидацию европейского континентального капитализма, то, с другой стороны, мы видим, как развивается буря китайской революции и как эта буря потрясает всю систему мировых отношений современного общества.

Если мы примем во внимание *все* эти факты развития, если мы оценим так, как это нужно, и китайскую революцию со всеми ее последствиями и растущую мощь СССР—то вряд ли мы сможем подвести такой баланс, что „мы стали слабее". Правда, противник наш укрепился (это и есть „частичная стабилизация"). Но в общем *соотношение* сил изменилось отнюдь не в его пользу. Формула „мы стали слабее" *не* выражает действительного отношения.

Итак, генеральная оценка положения, которая была представлена нам со стороны оппозиции, *неверна*.

Теперь о „конкретных предложениях", которые были нам сделаны со стороны оппозиции. Предварительно необходимо, однако, заметить, что все эти „предложения" сопровождались неслыханными атаками на ЦК нашей партии и на Коминтерн. Таких выступлений, столь резких, столь клеветнических и столь антипартийных мы не слыхали даже за последние годы развития внутрипартийных отношений и отношений внутри Коминтерна. По существу же нам не было сделано со стороны товарищей Троцкого и Вуйовича, которые представляли оппозицию на пленуме Исполнительного Комитета, *буквально ни единого делового предложе-*

ния, ни единого слова относительно тех проблем, которые я здесь затрагивал. И это—несмотря на то, что в своей речи я в упор спрашивал т. Троцкого относительно важнейших вопросов, связанных с подготовкой к войне. Тов. Троцкий был во время империалистической войны *против* лозунга поражения,—сознает ли он свою ошибку, которую делал в 1914—17 гг., или нет? Сознает ли, что он *ошибался*, отрицая *лозунг поражения* и даже лозунг *„превращения империалистической войны в гражданскую?“* Сознает ли и признает ли он, что ошибался, выставляя центральным лозунгом *лозунг мира?* Это все ведь не воспоминания о давно прошедших временах. Речь идет об активных вопросах *текущего момента.* Ведь мы катимся,—это ни для кого не секрет,— к полосе, которая заканчивает период „передышки“ и начинает какой-то другой период, чреватый войнами и нападениями на СССР. Когда именно „грядет в полунощи“ эта „напасть“, мы не знаем. Но мы знаем, что она подготовляется и подготовляется интенсивно. Так позвольте! Если мы всерьез принимаем такую оценку момента, то мы должны в первую очередь быть *идеологически* подкованы на все 100 процентов. Как же иначе? Здесь вполне уместно говорить о 100 процентах. Это ведь не пустячки—занимаем мы одну позицию или другую, выдвигаем один центральный лозунг или другой. Это имеет самое непосредственное практическое значение, и притом практическое значение не в каком-нибудь мелком, второстепенном во-

просе, а в вопросе *основном*, дающем *линию*, дающем основную *ориентацию* нашим коммунистическим партиям.

Разве такие проблемы, как вопрос о „пораженчестве", о лозунге мира и гражданской войны и т. д. и т. п.— потеряли свою остроту? Разве можно пройти *мимо* них?

Разве простая политическая добросовестность не требовала бы от т. Троцкого либо *признания*, что в этих *кардинальных* вопросах он ошибался, либо *открытой* борьбы против Ленина? Разве непонятно, что *обходить* эти вопросы *теперь* есть глубочайшая беспринципность?

И тем не менее, несмотря на публично сделанный тов. Троцкому вызов, он *ни единым словом не обмолвился обо всем этом*, и мы до сих не знаем, что он думает относительно „пораженчества" и всех своих прошлых ошибок. Известно, что по концепции тов. Троцкого большевизм „перевооружился" еще весной 1917 года и, „отроцкистившись", присвоил себе почти все оружие из арсенала Троцкого. Может быть, и в вопросах *войны* тов. Троцкий имеет такую же претензию?

Тут нужен *ясный* ответ. Этот ясный ответ нам *не был дан.*

Более того. На эти вопросы не было дано ровно *никакого* ответа: ни ясного, ни неясного. И это — несмотря на необычайную энергию оппозиционных товарищей, которые распространили на плenуме бесчисленное множество статей, речей, деклараций, заявлений, „непроизнесенных" речей

и т. д., и т. п. Всего этих документов наплодили в размере около 500 страниц. И во всем этаком томе не нашлось места для *важнейших* вопросов, не нашлось места для ответов на *самое* существенное, не нашлось ни атома мужества, чтобы признать свои оппортунистические ошибки.

Вместо этого тов. Троцкий затронул один лишь вопрос, в именно: вопрос об англо-русском комитете. Этот вопрос, по-Троцкому, есть, очевидно, *единственный* вопрос, заслуживающий внимания, и ответ на него есть *единственная* работа в связи с подготовкой к войне! И эти люди еще претендуют на политическую дальнозоркость! Однако и об этом вопросе я скажу несколько слов. Всякий из вас поймет, что в огромном арсенале оборонительного оружия, которое имеется в распоряжении международного рабочего движения, англо-русский комитет занимает лишь одно из многочисленных мест. Существует на свете Коминтерн, существует Профинтерн, существует около 60 коммунистических партий, существует ВКП, существует диктатура пролетариата, СССР, существует китайская революция и т. д., и т. п. Все эти орудия должны быть мобилизованы перед опасностью войны. Однако оппозиционные товарищи ничего другого не заприметили, а заприметили лишь один англо-русский комитет и на этом вопросе сосредоточили всю силу своего красноречия, своего темперамента, своего „негодования", своего клеветничества и целый ряд других своих добродетелей *для того*, чтобы предста-

вить иностранным товарищам дело таким образом, будто здесь совершена со стороны ВКП(б) настоящая злая *измена* пролетариату. Между прочим, язык оппозиции, язык тов. Троцкого, на этом собрании был языком совершенно своеобразным. Всюду ЦК нашей партии и Коминтерну бросались через каждые два слова и через каждые две печатные строки обвинения в „измене", „предательстве", „преступлении" и т. д., что вызывало— и не могло не вызывать—сильное возмущение со стороны иностранных делегатов. И если вначале у некоторых отдельных, особливо сердобольных товарищей и были симпатии по отношению к „униженным и оскорбленным" оппозиционерам в нашей партии, то эти симпатии были уничтожены, и Троцкий так озлобил против себя всех, что дальше итти некуда. Это вы видите из соответствующих резолюций, принятых по вопросу о выступлении оппозиции. Со стороны оппозиционных товарищей выставлялось основное требование: *порвать англо-русский комитет.* Мы говорили, что не нужно питать иллюзий относительно того, что английская часть англо-русского комитета нам сильно поможет во время войны или перед войной. В данной исторической обстановке, при данной конъюнктуре мы не хотели итти на разрыв потому, что этот разрыв при целом ряде других „разрывов", которые мы имели, произвел бы неблагоприятное впечатление. Оппозиция повторяла то, что говорила уже давно, только с еще большей остротой: вы сидите с мерзавцами, которые пре-

дали всеобщую стачку и т. д., следовательно, вы сами совершаете измену по отношению к рабочему классу! Вы не взрываете сейчас англо-русского комитета, следовательно, вы являетесь изменниками рабочего класса!

По сути дела аргументация, которая была представлена здесь со стороны оппозиционеров, отличалась от той аргументации, которую они представляли раньше, только большей „крепостью", большей „решительностью" и большим остервенением в нападках против руководства нашей партии и против руководства Коминтерна. Между тем ясно, что вопрос отнюдь не исчерпывается признанием и „левых" и правых вождей Генсовета оппортунистами, реформистами, штрейкбрехерами и слугами империализма. Все это — святые истины, весьма элементарные. Вопрос заключается в том, правильно ли было бы взрывать англо-русский комитет в той чрезвычайно тяжелой международной обстановке, которая имелась. Мы полагали, что эта обстановка вынуждала нас сделать ряд уступок. Это вовсе не значило, что наши профсоюзы должны были отказаться от критики. И интервью тов. Томского, данное вскоре после берлинского совещания, это наглядно доказало. Это, далее, вовсе не значило, что мы через *другие* организации (Профинтерн, Коминтерн и т. д.) не должны были *особенно* яростно нападать на Генсовет по поводу гнуснейшей тактики его представителей на берлинском совещании. Нетрудно убедиться, что компартии начали энергичный обстрел вождей

Генсовета в связи с их поведением в Берлине. Но мы полагали, что в тяжелых условиях международной обстановки лучше иметь хотя бы нейтральными и формально связанными тех людей, которые могут перейти открыто в лагерь империализма. Лучше, если они будут балластом для своего империалистского правительства, чем *открытым* его союзником. Из *этих* соображений (а не из иллюзорных соображений об активной помощи) сочли мы тактику делегации ВЦСПС правильной. Разумеется, это вовсе не исключает перспективы, при которой вожди Генсовета, придравшись к нашей критике их поведения, сами взорвут англо-русский комитет. Это не исключено. Наша критика обязательна. Но тогда всякий английский рабочий поймет такой шаг, как *саморазоблачение* предательских вождей, называйся они правыми или „левыми".

Наконец, было сделано еще два „предложения" в связи с военной опасностью. Оба эти предложения поистине смехотворны. Одно было сделано тов. Вуйовичем и одобрено Троцким, а другое было сделано обоими (и Вуйовичем, и Троцким), и повторялось в их речах, выступлениях и проч. Первое предложение заключалось в том, что в *данный момент в виду опасности войны необходимо ориентироваться на анархо-синдикалистских рабочих*. Второе предложение заключалось в том, что необходимо *снова в ряды Коминтерна и в ряды германской партии возвратить группу Маслова, Рут Фишер* и др.

Нужно сказать прежде всего несколько слов относительно теперешних „анархо-синдикалистов". Вообще анархо-синдикалистов всего-то $2^1/_2$ человека. Это в значительной степени „вожди" без какой бы то ни было *армии*. Никаких *крупных* анархо-синдикалистских организаций в природе не существует, за исключением разве американской „Y. W. W." („Индустриальные Рабочие Мира"). Характерно также то, что почти все мелкие анархо-синдикалистские организации, которые сейчас еще существуют в Европе, настроены бешено *против* Советского Союза, и их идеология в этом вопросе ни капли не отличается от *меньшевистско-эсеровской идеологии*. Они считают, что большевики трижды совершили предательство международной революции, что у нас диктатура олигархии, что никакой диктатуры пролетариата у нас нет; они ведут гнуснейшую травлю СССР и т. д. Одним словом, эти „анархо-синдикалисты" обливают нас из самых, если можно так выразиться, „золоторотческих" сосудов. А мы должны, по предложению Троцкого—Вуйовича, приблизить, привлечь их к себе для того, чтобы они нас „защитили"! Совершеннейший и абсолютнейший вздор! Мы отнюдь не намерены „ориентироваться" на контр-революционных мелких буржуа, изо дня в день вместе с грязными вождями социал-демократии ведущих против диктатуры пролетариата бешеную борьбу. Нужно помнить, что у этих господ нет *никаких масс*. В этом—гвоздь. Троцкий в 1914 году набрел случайно на пару революционных анархо-синди-

калистов и на них сидел некоторое время. На „безрыбье“ и „рак“ был рыбой. Но сейчас ведь не 1914 год. За это время произошла масса перегруппировок. Нам нечего с фонарем ходить и искать, не найдется ли где-нибудь парочка каких-нибудь „анархо-синдикалистов“, которые могут защитить в трудную минуту Советскую Республику от империалистов. Ведь это же, товарищи, смешно, это полнейшая нелепость. Это особенно нелепо теперь, когда больше, чем когда бы то ни было перед нами стоит *задача завоевания рабочего середняка, в первую очередь в Европе,* середняка, который пребывает, к сожалению, в социал-демократических партиях и амстердамских профсоюзах. Проблема завоевания рабочего-середняка была поставлена, начиная с III конгресса Коминтерна, освященного авторитетом Ленина, и во все возрастающей мере становится перед нами. Сейчас делать такую диверсию, — это значит подменять ленинский лозунг: завоевание *масс* лозунгом „завоевание“ пары контр-революционных *вождей.*

Что касается Маслова, то эти предложения вызвали прямое *возмущение* среди членов Исполкома. Вы, вероятно, помните, что в заявлении оппозиции от 16 октября, в этом покаянном заявлении, про которое тов. Зиновьев говорил, что оно „берется *всерьез*“, в числе прочих пунктов было сказано, что оппозиция отказывается от всякого общения с группой исключенных из Коминтерна, при чем поименованы были *Урбанс* и *Маслов* и др. Должен вам рассказать некоторые „подробности“ о пози-

ции этих исключенных. Они имеют свой собственный орган, они этот орган превратили в еженедельник и собираются превратить в ежедневную газету; они собираются организовать свою *собственную партию*. Не подлежит никакому сомнению, что они имеют поддержку в этом от *нашей оппозиции*, от которой получают материалы о нашей партийной жизни, вплоть до сведений о заседаниях Политбюро, рассказав о том, что делается на Политбюро.

Смотря по политической конъюнктуре, они то ведут прямую травлю СССР, то, смягчая ее, ведут бешеную атаку против нашей партии и Коминтерна. Они пишут, скажем, что *Сталин* ничем не отличается от *Носке* (шум в зале). Я не понимаю, что вас изумляет, ведь это не новость. (Голос с места: „Для нас это новость"). Я „рад", что вам эту новость сообщил (смех).

Их орган, превратившийся сейчас в орган и *нашей „оппозиции"*, подбирает всякую сплетню, всякую клевету, пущенную в оборот против нашей партии и Коминтерна. Скоро, пожалуй, эти молодчики дойдут до лозунга „советы без коммунистов". Уже теперь они, напр., пишут в статье, посвященной войне, что „если нынешнее руководство Коминтерна в самую последнюю минуту не изменит весь свой политический и организационный курс *самым радикальным* образом, то оно будет играть такую же роль, как руководство *Второго Интернационала* к началу первой мировой войны". („Die Fahne des Kommunismus", Nr 12).

Это пишут Масловы, помилованные правительством Гинденбурга, позорно ведшие себя на суде, про партии Коминтерна, когда китайских коммунистов душат петлями, когда французских коммунистов-цекистов сажают в тюрьмы, когда итальянские товарищи сидят в застенках, когда немцы организуют сотни тысяч людей, поднимая их против войны, когда на СССР идет бешеная атака, когда *против Коминтерна* вздыбился весь капиталистический мир! И этих *прохвостов* (провокаторски называющих себя „ортодоксальными марксистами-ленинцами") предлагают нам в качестве спасителей германской партии!

Какой же должна быть наша политика в подготовке к войне? Мне кажется, наша политика должна заключаться, поскольку мы ставим внутрипартийный вопрос, в том, чтобы обеспечить абсолютную крепость *внутренних* отношений в партиях и вести твердый курс на *завоевание широких масс социал-демократических рабочих.*

Наши партии отлично понимают, что создадутся такие положения, когда они в буквальном смысле слова должны будут поставить свою жизнь на карту для того, чтобы остаться верными Коминтерну, для того, чтобы грудью защищать социалистическое отечество пролетариата против империалистских полчищ. Так вот вместо того, чтобы требовать *максимального сплочения рядов*, очищения от ренегатов, завоевания широких масс, нам предлагают: давайте впустим всякую дрянь внутрь нашей партии, впустим разных анархо-синдика-

листов, подозрительных Масловых, „дисциплинированных“ Рут Фишер и т. д. и забудем пока-что о социал-демократических *рабочих*. Мы с такой постановкой абсолютно не согласны; *ни один человек*, за исключением Вуйовича, который из фракционных соображений, будучи пособником т. Троцкого в атаках, наскоках, предложениях и пр., не был в пользу этих „мероприятий“. Никто из членов пленума не был согласен возвратить господ Масловых обратно или, отвернувшись от широких масс, пуститься в поиски за парой синдикалистов на предмет защиты СССР.

Как видите, т. Троцкий обнаружил в „военном“ вопросе очень скудную фантазию. Фигура умолчания в *важнейших* вопросах; неправильная атака на ВЦСПС; смехотворная „ориентация“ на кучку контр-революционных анархо-синдикалистов; предложение (очевидно, чтобы „выполнить“ заявление от 16 октября) о возврате группы ренегатов с подозрительным Масловым во главе,—таков *итог* „помощи“ Коминтерну со стороны тов. Троцкого и нашей оппозиции. Сюда же относится клеветническая кампания против ВКП(б), долженствующая, очевидно, тоже „помочь“ защите нашей революции.

О китайской революции.

Остановлюсь на следующем крупнейшем вопросе, который обсуждался на пленуме, а именно на вопросе *о китайской революции*.

Я изложу сперва главное из анализа теперешних отношений, затем точку зрения оппозиции, как она была развита на пленуме, и аргументы против нее, а затем, в-третьих, скажу несколько относительно событий в Китае за самое последнее время.

1. Перегруппировка классовых сил.

Еще на VII расширенном пленуме Исполнительного Комитета была впервые за все время существования Коммунистического Интернационала принята подробная резолюция относительно китайской революции с анализом экономики Китая, роли империализма, с анализом и оценкой различных социально-классовых сил в Китае, с оценкой соотношений между различными классовыми силами, которые были характерны для тогдашнего момента, и с прогнозом, т. е. предсказанием неизбежных *новых* классовых перегруппировок в ходе китайской революции. На VII пленуме была намечена главная тактическая линия для коммунистической партии Китая. Я начинаю с VII расширенного пленума, который мы имели некоторое время тому назад, для того, чтобы с самого же начала подчеркнуть ту оценку социально-классовым силам в Китае и тем неизбежным перегруппировкам, которую Коммунистический Интернационал давал сравнительно *задолго до* переворота Чан-Кай-ши. VII расширенный пленум исходил в своей оценке из такого положения, что развертывающаяся социально-классовая борьба, развитие

аграрного движения, развитие рабочего движения неизбежно *вызовут отход либеральной буржуазии* от единого национально-революционного фронта и *переход ее в лагерь контр-революции*, что китайская революция в целом переходит, таким образом, в *новый* этап своего развития, при котором классовые силы национально-революционного фронта будут формироваться на базисе блока рабочего класса, крестьянства и городской мелкой буржуазии (ремесленников, мелких торговцев, мелкой интеллигенции).

Переворот Чан-Кай-ши в резкой форме и выражал собою не что иное, как этот, предсказанный VII расширенным пленумом, переход либеральной буржуазии в лагерь контр-революции. Переворот Чан-Кай-ши никоим образом нельзя представлять себе на манер измены отдельного генерала, и только. Эта измена генерала сама была военным выражением глубокой *перегруппировки классовых сил* в стране, что было совершенно неизбежно в связи с развитием аграрного движения — в деревне, рабочего движения — в городах.

Перед теперешним очередным пленумом встал прежде всего вопрос относительно извлечения уроков из происшедшего и вопрос о текущей тактике компартии Китая, а равно и Коминтерна в *новой* обстановке. В первую очередь нужно было решить вопрос относительно оценки переворота Чан-Кай-ши. Эта оценка дана в том смысле, что переворот Чан-Кай-ши знаменует собой отход очень большой общественной группы, имев-

шей раньше, в предыдущие стадии развития революционного движения в Китае, крупнейший политический вес и игравшей на *первых* стадиях развития китайской революции роль фактического вождя в борьбе против империализма. Пленум постановил, что во всей дальнейшей тактике необходимо исходить из этой *новой перегруппировки классовых сил*. Либеральная буржуазия перешла в лагерь контр-революции, и национально-освободительное движение китайского народа пережило в связи с этим неизбежный кризис. Этот кризис сопровождался *частичным поражением* китайской революции. В настоящее время мы имеем другое сложение, другое сочетание общественных сил, и всякая тактическая линия или всякое тактическое мероприятие, которое исходило бы из *прежнего* соотношения общественных сил, из прежнего их сочетания, была бы контр-революционной и была бы обречена на неизбежный провал. Переворот Чан-Кай-ши определялся целым рядом факторов и в первую очередь развитием рабочего движения, развитием аграрно-крестьянского движения и политикой империалистов, которые всемерно нажимали на фронт либеральной буржуазии, ускоряя процесс ее отхода от единого национально-революционного фронта.

2. Аграрная революция и крестьянское движение.

Исполнительный Комитет считает, что в настоящее время центральным вопросом китайской ре-

волюции, поскольку речь идет относительно ее внутренних движущих сил, является *аграрная революция*. Теперь уже совершенно ясно, что аграрно-крестьянское движение, проблема передела земель, конфискации земель у разного рода мелких, средних и крупных (правда, не особенно многочисленных) помещиков, что эти требования, эти лозунги, эти задачи являются *центральными задачами дня*. Излишне здесь распространяться, какое значение среди населения Китая имеет крестьянство, излишне вдаваться в подробную характеристику социально-экономических отношений в китайской деревне. Мне хотелось бы здесь подчеркнуть то обстоятельство, что ход китайских событий и развитие именно аграрного движения целиком опровергают точку зрения, развивавшуюся, скажем, тов. Радеком, который утверждал, что нет никаких остатков феодализма в Китае, и сделал, таким образом, совершенно необъяснимым факт неслыханной остроты аграрно-крестьянского движения в Китае. Об этом я достаточно говорил на собрании московского актива и больше здесь останавливаться не буду. Итак, аграрная революция стоит сейчас в *центре* событий. Крестьянство выходит огромными массами на историческую сцену. Крестьянство под руководством рабочего класса становится важнейшей живой массовой силой в дальнейшем ходе развития китайской революции. Исполнительный Комитет должен был остановиться на вопросе относительно *методов решения* аграрного вопроса в Китае. И

резолюция, которая была принята на пленуме, с полной ясностью, с полной отчетливостью подчеркивает, что главное с точки зрения развития китайской революции состоит в данный момент в *фактической конфискации земли, в фактической ломке старого деревенского аппарата власти, в фактическом переделе земли снизу*, руками самих крестьян, руками крестьянских организаций, крестьянских союзов, крестьянских комитетов, которые создаются сейчас во все большей и большей массе. Этот вопрос необходимо было подчеркнуть с особенной силой, потому что и среди китайских коммунистов, а в неизмеримо большей степени среди левых гоминдановцев, существует еще в настоящее время иллюзия, которая фактически оказывается *тормозом* в развитии крестьянского аграрного движения в Китае, а именно иллюзия, что необходимо эту аграрную революцию на манер аграрной реформы проделывать только сверху или же отложить ее вообще чуть ли не до объединения Китая. Можно сослаться хотя бы на последнюю речь т. Тан Пин-сяна, министра земледелия уханского правительства, который в этой своей речи, опубликованной не так давно в „Правде", не упомянул ни одним словом о необходимости *фактической конфискации земли*. В среде уханского правительства и даже среди части китайских коммунистов есть еще до сего времени тенденции тихо, мирно, в декретном порядке, перейти за определенную грань теперешних фактических отношений и чуть ли не в декретном порядке решить про-

блему аграрной революции, когда в деревне уже *началась* гражданская война. Этого ни в одной истории ни одной революции никогда не было видано и никогда не будет видано. Можно еще упомянуть о речи одного из лидеров китайской компартии — тов. *Чен Дусю*, который не так давно на съезде партии выступал с еще более странной и удивительной концепцией, а именно, что необходимо *подождать* с развитием аграрной революции до тех пор, пока китайские революционные войска не войдут в Пекин, не побьют Чжан-Цзолина, не выгонят его из столицы. Между тем совершенно ясно, что со всех точек зрения — и с точки зрения борьбы с *империализмом*, и с точки зрения борьбы с *либерально-буржуазной контр-революцией*, т.-е. с Чан-Кай-ши, и с точки зрения *укрепления* и самосохранения и дальнейшего развития *уханского* правительства, и с точки зрения поднятия *наибольшего количества живой силы в борьбе с силами контр-революции*, — со всех этих точек зрения развитие аграрной революции является *основным условием для победоносного решения задач, которые диктуются сейчас китайской революцией*. Ни одной проблемы нельзя решить без развития *массовой* аграрной революции. Даже такая элементарная проблема, как организация *вооруженных сил*, неизбежно приводит нас к необходимости развития аграрной революции по той простой причине, что *без* этого уханское правительство не в состоянии получить доверие крестьянства, не в состоянии сколачивать *действи-*

тельно верные армейские части, не в состоянии с военной точки зрения обеспечить себе дальнейшие успехи. Следовательно, центральной проблемой, центральной задачей, центральным лозунгом является лозунг *развязывания аграрной революции.* Методом развязывания революции является конфискация самими крестьянами земель снизу, отмена арендной платы, учреждение на местах, в деревне, власти крестьянских союзов и крестьянских комитетов, *вооружение* крестьянской массы, вооруженная защита отобранной у разных слоев помещиков земли и т. д., и т. п.

3. Массовые организации, гоминдан, компартия.

Само собой разумеется, что в связи с этим перед нами вырастает организационная проблема, а именно: *если* сейчас главная ориентация заключается в ориентации на развитие аграрной революции, т.-е. на развитие массового движения, то само собою разумеется, что мы необходимо должны ориентироваться на бешеный, энергичный рост всевозможных *массовых организаций*, т.-е. крестьянских союзов, крестьянских комитетов, рабочих профессиональных союзов, союзов ремесленников, мелких торговцев и т. д. и т. д., при чем за базу, конечно, должны браться *массовые организации рабочего класса и массовые организации крестьянства.* В связи с этой ориентацией совершенно ясно и понятно, что перед Исполкомом встал вопрос и относительно *реорганизации гомин-*

дана. Гоминдан при своем возникновении отличался крайне оригинальной социально-классовой, а также и организационной структурой. Там были и элементы *чисто буржуазные,* которые составляли главный социльно-классовый оплот так называемого правого крыла, — *и рабочие, и крестьяне, и мелкая буржуазия, и интеллигенция.* Гоминдан, который возник и организовался еще при Сун-Ят-сене на базе всевозможных военных комбинаций, сам в своей внутренней организационной структуре представлял собою организацию, которая отличалась всем, чем угодно, но отнюдь не внутрипартийной демократией. Целый ряд вождей гоминдана обладал не только „полнотой власти", но обладал фактически *абсолютной независимостью* от местных организаций гоминдана. Правильные собрания, правильные выборы и т. д. не существовали совершенно. Теперь положение должно будет радикально измениться, тем более, что без этого радикального изменения гоминдан не в состоянии будет играть своей исторической роли и неизбежно будет изживать себя, если не хуже.

Раскол национально-революционного фронта, переход буржуазии в лагерь контр-революции сопровождались *расколом гоминдана.* Этот раскол гоминдана нашел свое выражение в том, что Чан-Кай-ши организовал свой *правый* гоминдан, либерально-буржуазный. В *левом* гоминдане остались мелкая буржуазия, рабочие, крестьяне и некоторые группировки буржуазно-радикальной интел-

лигенции с некоторым охвостьем, играющим сравнительно второстепенную роль, из радикальных слоев крупной буржуазии.

Какая задача перед нами стоит, если держать курс на *аграрную революцию?* Перед нами стоит задача быстро переделать этот левый гоминдан по направлению его „окрестьянивания" и „орабочивания" и по направлению „окрестьянивания" и „орабочивания" не только его состава, но и всех его *руководящих органов на местах и в центре.*

Недавно приехал к нам товарищ, член делегации Коммунистического Интернационала, которая была в Китае. Он подтверждает, что соотношение на *верхушке* левого гоминдана совершенно не соответствует внутренней структуре гоминдана с точки зрения действительных классовых соотношений в *массе* членов гоминдана. Он докладывал, что важнейшие массовые организации, примыкающие к гоминдану или формально находящиеся под его влиянием, т.-е. массовая сила, которая в развитии китайской революции приобретает все более и более крупную роль, находятся под большим влиянием коммунистов. Конечно, китайские коммунисты — *не* стопроцентные большевики, это нужно помнить; нужно вообще помнить, что предъявлять требование стопроцентного большевизма *даже* коммунистам значит тешить себя некоторыми иллюзиями. *Наша* партия, когда она возникла, была группировкой интеллигентов и рабочих, которые впитали в себя весь марксистский опыт западно-европейского социал-демократического дви

жения; основоположники российской социал-демократии были превосходно-образованными марксистами. С самого начала у нас были уже заложены марксистские основы рабочей партии. Наша коммунистическая партия в *Китае* вырастала на другой основе. Она вылупливалась из сунятсеновского народничества, будучи ***незнакомой*** с основами марксизма. И только за последнее время благодаря контакту с СССР и Коммунистическим Интернационалом начали формироваться марксистские кадры. Эту особенность происхождения китайской коммунистической партии забывать нельзя и нужно ее принимить во внимание.

Исходя из необходимости развития аграрной революции, из необходимости развития рабочего движения, роста массовых организаций и исходя точно так же из необходимости использовать положительные традиции гоминдана, как такой организации, где рабочий класс соприкасается непосредственно с крестьянством и мелкой буржуазией и может руководить этими силами, Коммунистический Интернационал и формулировал свои директивы. Пленум решил, что гоминдан необходимо сейчас решительно *перестраивать* на основе коллективного приема в гоминдан всех этих форм массовых организаций, т. е. профсоюзов, крестьянских комитетов и крестьянских союзов, организаций армейских, организаций мелких ремесленников и т. д. ИККИ постановил добиваться *реорганизации* гоминдана и в смысле его внутренней структуры.

В связи с этим Исполнительный Комитет подчеркнул особые задачи *коммунистической партии* и особые формы ее *отношений к левому гоминдану*. Исполнительный Комитет указал, что коммунистическая партия обнаруживала не раз боязнь развития массового движения, в первую очередь, развития *аграрного* движения. В связи с этой излишней осторожностью и колебаниями в верхушке *самой компартии* стояла также излишняя „осторожность" в критике колебаний, шатаний и непоследовательности со стороны *левых гоминдановцев*. В своей резолюции ИККИ ясно сказал, что коммунистическая партия, поскольку она является пролетарским авангардом, должна *подчеркивать свою самостоятельность, как партия рабочего класса*, что она ни в коем случае не должна стеснять себя в деле критики шатаний и колебаний мелкобуржуазного гоминдана, что она должна во что бы то ни стало критиковать его вождей за эти колебания и шатания и что только *таким путем* она сможет подталкивать этих левых радикальных мелкобуржуазных революционеров в сторону гораздо более последовательной и гораздо более выдержанной массовой борьбы крестьян, ремесленников и рабочих.

4. Вооруженные силы и революция.

Сложнейшей проблемой является *проблема армии* и проблема *вооруженных сил вообще*. Нужно давать себе совершенно ясный отчет в том, что даже левый гоминдан далеко не является еще ра-

боче-крестьянским блоком. Там есть еще охвостье радикально-буржуазных лидеров. Такое же положение вещей мы имеем и в уханском правительстве. Уханское правительство далеко не есть еще диктатура рабочего класса и крестьянства. Оно может развиваться в эту сторону. В нем есть еще радикально-*буржуазные* лидеры, относительно которых необходимо сказать, что часть из них может перебежать — и, по всей вероятности, *перебежит* — на сторону противника. Но если это возможно со стороны некоторых лидеров левого гоминдана, со стороны ряда лиц, входящих в теперешний состав национального правительства Ухана, то с *особой* силой это надо сказать и подчеркнуть относительно *армейского аппарата*. Что касается гоминдана, то я не думаю, что сейчас там возможны такие отколы, которые увлекли бы за собой *значительные* слои. Этого не может быть потому, что в *массе* своей (я различаю *массу* членов и *верхушку* гоминдана) члены гоминдана действительно представляют собою блок рабочих, крестьян и мелкой городской буржуазии. Но самое характерное для текущего момента заключается в том, что *армейский* состав, *генералитет*, кадровый состав *офицерства* отнюдь не является вполне надежной силой. Вы должны себе представить оригинальность положения. Вам, конечно, известно, что старых генералов можно использовать, но при определенных предпосылках, а именно при предпосылке *общего укрепления революционной власти*, при предпосылке подрыва *экономической* основы

старого режима (феодализм) и при той предпосылке, что подорваны основы *самостоятельного* политического существования этих генералов. Не то происходит сейчас на территории уханского правительства. Можно ли сказать, что там *экономически* уже укрепилась позиция хотя бы буржуазной революции? Нет. В деревне *не* вытравлены еще помещики и полупомещики, их жандармы и их полицейские, так называемые минтуани. В общем нет еще даже достаточного укрепления уханского правительства. А поскольку это укрепление *теперь* происходит в военных формах, оно еще не обеспечено, ибо оно упирается на такое положение вещей, когда *внутри* самой армии нет достаточного количества верных рычагов. Это имеет огромнейшее значение. В этом смысле структура *армии* уханского правительства ни в какой мере не есть структура нашей Красной армии. В целом армия еще идет за уханским правительством, но гарантия того, что так будет продолжаться без более или менее крупных столкновений, конфликтов, измен, — такой гарантии дать ни в коем случае нельзя. Более того: „измены" *очень* вероятны, в известной мере они *неизбежны*.

Поэтому проблема вооруженной силы приобретает *громаднейшее* значение. И здесь точно так же нужно подчеркнуть, что *без развития аграрной революции ни в коем случае нельзя создать сильных вооруженных частей*, которые были бы *абсолютно надежны*, нельзя получить достаточное количество живой силы, которую можно влить в уже

имеющиеся сейчас части, чтобы обеспечить целиком их надежность. Нужно создавать вооруженную силу путем вооружения рабочих, путем вооружения крестьян на базе подымающейся аграрно-революционной волны. Таков основной рисунок той перспективы, которая перед нами в настоящее время стоит.

Китайская революция и оппозиция.

Теперь несколько слов о той системе взглядов, которую нам противопоставила оппозиция в выступлениях Троцкого, Вуйовича, тезисах Зиновьева и т. д. У нас и по этому пункту было огромное количество всевозможных оппозиционных тезисов, статей, заявлений, документов, деклараций и пр. и пр., и я абсолютно не в состоянии отдавать должное каждому из этих документов. Остановлюсь поэтому на основном.

Осью выступлений т. Троцкого является следующее: Чан-Кай-ши нанес поражение китайской революции в силу „губительной", „преступной", „изменнической", „позорной" тактики со стороны ЦК партии и со стороны руководства Коминтерна. Таковой тактика Коминтерна и Центрального Комитета нашей партии стала по-Троцкому потому, что Центральный Комитет нашей партии и руководство Коминтерна укрепились не на большевистской, а на меньшевистской позиции *по отношению к либеральной буржуазии.* Троцкий вспоминал отношение Ленина и большевиков к либеральной

буржуазии в буржуазно-демократической революции 1905 г. и приводил при этом „цитату“ из Ленина, где Ленин говорит, примерно, следующее:

Революция буржуазная, и *поэтому* надо поддерживать буржуазию,— так говорят меньшевики: революция буржуазная, *поэтому* необходимо бороться против контр-революционной буржуазии,— так говорят большевики.

Эта цитата из Ленина абсолютно правильна. Различие между нами и меньшевиками в революции 1905 года шло по линии различного отношения к *крестьянству* и к *либеральной буржуазии. Мы* противопоставляли плебейский блок рабочих и крестьян против царизма и буржуазии, в том числе и либеральной, которая становилась контр-революционной, а меньшевики *поддерживали* либеральную буржуазию и не понимали роли крестьянства. Вот где было наше основное деление.

Однако, *если* бы Ленин написал *только* это; *если* бы Китай находился в Российской Империи 1905 года; *если* бы китайская буржуазия с 1911 по 1926 год включительно представляла собой подобие *нашей* либеральной буржуазии, то мы целиком заслуживали бы название меньшевиков. Но суть-то дела заключается в том, что Троцкий и вся наша оппозиция *не знают* действительно ни ленинской позиции в этом вопросе, ни фактов и поэтому ломятся совершенно не в ту дверь, куда нужно.

Необходимо различать между такой революцией, как революция 1905 г. у нас, и революцией

с антиимпериалистическим содержанием в странах *полуколониальных* и в странах „зависимых". По этому поводу мы у Ленина находим совершенно ясное и точное указание. Ленин говорил, что мы должны вступать, мы можем вступать не только в соглашения, но и в *прямые союзы* с буржуазией (так писал и говорил Ленин на II конгрессе Коминтерна) при непременном условии обеспечения самостоятельности нашей партии, самостоятельности рабочих организаций и т. д. Не только в соглашения, но „и в *союзы*"! Почему? Да по очень простой причине: *потому*, что роль либеральной буржуазии в таких странах *не такова*, какой она была в 1905 году в России. В 1904 г. в России буржуазия фрондирует против царизма, а уже после октябрьской стачки 1905 г. либеральная буржуазия становится открыто контр-революционной. Исходя из того, что она ни разу как следует даже не пискнула против царизма; исходя из того, что она и *не могла* пискнуть; исходя из того, что она непременно—и притом чрезвычайно быстро—должна была перейти в стан контр-революции,—мы определяем тактику против либеральной буржуазии и т. д. Теперь, когда Чан-Кай-ши изменил, китайская буржуазия *стала* контр-революционной? Да, она стала контр-революционной. Но с 1911 по 1926 г. она разве играла контр-революционную роль? Кто *это* может утверждать? Теперь она перешла в лагерь контр-революции, но в течение *ряда лет* она играла такую роль, что мы *должны* были ее поддерживать, *должны*

были ее использовать, *должны* были итти с нею в одном блоке. Компартия только нарождалась, рабочее движение только просыпалось, а либеральная буржуазия выступала против феодалов и империалистов и вела даже вооруженную борьбу. Даже сравнительно незадолго до измены Чан-Кай-ши его войска проделали „северный поход". Спрашивается, *должны* были мы поддерживать северный поход или нет? „Северный поход", который, по словам Радека, является блестящим революционным делом?

Либеральная буржуазия в Китае в течение *ряда лет*, а не месяцев, играла *объективно революционную роль*, а потом исчерпала себя. Это была вовсе не политическая „однодневка" типа русской либеральной буржуазии в революции 1905 года. *Такая* роль буржуазии объясняется особым сочетанием общественных сил в Китае, антиимпериалистическим национально-освободительным характером китайской революции: она объясняется *рядом* причин, которых *не было* в российской революции 1905 года. Поэтому нельзя делать передержку и заявлять: Ленин говорил, что разница между нами и меньшевиками заключается в том, что меньшевики поддерживали либеральную буржуазию, а мы были против какого бы то ни было соглашения с ней. Однако Ленин говорил это о *российской* революции *1905 года*. Ленин говорил *совсем другое о восточных революциях*.

Самое возмутительное то, что именно т. Троцкий и иже с ним *отрицают* необходимость и воз-

можность блока с либеральной буржуазией Китая. Между тем, и Троцкий и Зиновьев неоднократно сами голосовали *за* помощь кантонскому правительству и т. д. Никто из них тогда и *не заикнулся*, что это неправильно. А теперь те же люди говорят задним числом, что это — предательство, „измена", „позор" и т. д. Если что и позорно, то именно такое поведение, сдобренное передержками и извращениями сочинений Ленина.

Следовательно, если оппозиция выставляет тезис о недопустимости соглашений с либеральной буржуазией в Китае, то это — прямое извращение ленинского учения. Абсолютно неправилен метод, когда не делается никакой разницы между Россией и Китаем, между 1905 годом и 1927, между русской либеральной и китайской национально-революционной буржуазией и т. д. Тут, оказывается, *все* кошки серы; тут, по сути дела, нет ровно никакого анализа, никакого понимания особенностей китайского развития.

Итак, тезис о недопустимости соглашений вообще с китайской буржуазией *неверен*.

Но существует *другой* вопрос, который можно задать нам с полным правом; можно сказать: хорошо, до поры до времени *можно* было итти вместе с национальной буржуазией; но все же вы сами говорите, что она *должна* была, в конце концов, перейти в лагерь контр-революции. Это сказал и VII расширенный пленум ИККИ. Однако что же вы сделали, чтобы оборонить пролетариев и крестьян? Что вы сделали, чтобы предупредить

их поражение? Не плелись ли вы в хвосте событий? Не застала ли вас измена Чан-Кай-ши врасплох? Не явилось ли это следствием вашего увлечения тактикой „блока" с Чан-Кай-ши? *Этот* вопрос нужно поставить, этот вопрос вполне правомерен.

Разберемся; самый легкий аргумент против нас заключается в том, чтобы сказать: в Шанхае рабочие потерпели поражение, ***значит***, ваша тактика была ни к чорту негодной.

Такую постановку вопроса надо, однако, решительно отвергнуть. В нашей революции 1917 года мы вели ***правильную*** политику. Перед июльскими днями мы видели, к чему дело идет? *Видели.* А нас в июльские дни все-таки ***поколотили.*** Факт это или не факт? *Факт.* Почему же нас поколотили? По очень простой причине. При всей правильности нашей политики ***мы не успели собрать своих сил*** в такой степени, чтобы, когда противник открыл против нас войну, мы оказались сильнее этого противника. Мы еще ***не дозрели, не доросли.*** Сочетание классовых сил было таково, что при всей правильности нашей политики мы не успели дойти до такого состояния, чтобы оказаться в силах побить противника. В Китае наши товарищи сделали ***целый ряд*** ошибок, и ошибок ***чрезвычайно*** серьезных, о которых можно и должно говорить, если обсуждать подробно вопрос о каждой из таких ошибок. Не подлежит никакому сомнению, что не все было сделано, что можно было, для развития массового движения и в де-

ревне и в городе. Не подлежит никакому сомнению, что руководство киткомпартии отчасти даже тормозило, вопреки всем директивам Коминтерна, аграрную революцию. Но на одном я бы категорически стал настаивать, а именно на том, что даже если бы было сделано *все* возможное, то и тогда на данном этапе мы не могли бы выйти победоносно из прямого сражения с Чан-Кай-ши. VII пленум дал директиву насчет развития массового движения, насчет выталкивания из гоминдана правых гоминдановцев, насчет захвата стратегических позиций в армии, насчет вооружения рабочего класса и крестьянства, создания массовых организаций рабочих и крестьян. *Эту* линию, которая по совокупности представляла *единственную* политическую гарантию, Коминтерн *дал*. Но даже если все было бы выполнено, что можно было выполнить, нужно все же видеть, какое положение вещей там было. Шанхай — центр событий. Здесь были: 1) силы империалистов, вооруженных до зубов, 2) силы Чан-Кай-ши — целая армия (за исключением пары военных частей, которые были более или менее близки к рабочим и крестьянам), с огромным авторитетом Чан-Кай-ши, который он завоевал себе на предыдущем этапе революции; наконец, фронт северных войск и т. д. Несмотря на это, тов. Зиновьев в своих тезисах предлагал такую „прекрасную" гарантию: нужно было шанхайскому пролетариату начать *восстание* против Чан-Кай-ши. Это, по нашему мнению, *абсурднейшая* политика. Что было

бы, если бы шанхайский пролетариат начал прямое восстание против Чан-Кай-ши? Он был бы *вырезан с корнем*. Ибо было совершенно ясно, что в *такой* обстановке неизбежно получилось бы химическое соединение *всех сил, направленных против рабочих*, направленных против дальнейшего развития китайской революции. Если бы шанхайские рабочие выступили против Чан-Кай-ши, тогда силы *Чан-Кай-ши, Чжан-Цзо-лина, иностранного империализма* и *вообще* все силы, враждебные революции, *соединились бы* для того, чтобы начисто вырезать авангард шанхайского пролетариата. Нам говорят, что тактика, которую мы ведем, не ленинская. Извините, пожалуйста; *никогда* Ленин не проповедывал тактики восстания в *любой момент*. Говорить и утверждать, это— значит говорить чепуху. Думаю, что и оппозиционеры не верят в такое утверждение, когда они это говорят. Если Зиновьев утешается тем, что в случае восстания европейский и американский рабочий класс „спасли бы" шанхайский пролетариат, то это ведь *чудовищная* ерунда. В Америке, кроме небольшой коммунистической партии, все реформистские кадры рабочего класса являются подкупленной сволочью, *предающей* дело рабочего класса. И вы хотите, чтобы эта сволочь „спасала" рабочий класс Китая? Вы хотите, чтобы они выступили на защиту китайской революции, когда эти самые „вожди" американского пролетариата *первые* поднимают вопрос об обыске советских учреждений, всех наших культурных учреждений?!

Ведь нужно знать, что за этими негодяями, к сожалению, идет еще *масса* американских пролетариев. Ведь нужно помнить, что даже *европейский* пролетариат раскачивается вовсе не так быстро. Ведь нужно явно *лгать* перед всеми, чтобы выставлять такую чудовищную вещь, как аргумент! Мы хорошо знаем, *как* приходит помощь; помощь приходит не через день и не через два дня: она приходит через *месяцы* и *годы*. Нужна величайшая раскачка для того, чтобы эта помощь пришла, а империалисты, при вооруженном столкновении, могли вырезать рабочих Шанхая в течение одного дня. Сеять такого рода иллюзии насчет быстрой помощи; на *этом* строить политическую линию и *это* предлагать взамен той тактики, которую мы предлагали; из-за того, что мы *не* принимали такой авантюристской тактики, обвинять нас в измене, это значит скатиться в болото бульварной зловонной демагогии, потеряв все остатки марксистской совести и пролетарской ответственности.

Следующий вопрос, где оппозиция атаковала нас, это — вопрос о лозунге *советов*. Этот лозунг звучит необыкновенно радикально, и потому наши герои особенно за него ухватились. Они выставили лозунг немедленного образования советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, и так как мы этот лозунг не считаем целесообразным выставлять в *данный* момент, то они *за это* осмелились обвинять нас в измене. Одно предварительное замечание. В 1923 году, накануне

величайших событий в Германии, на пороге *рабочей*, пролетарской революции (не такой революции, как в Китае, и не в такой стране, как Китай, а в *Германии*), в стране с *большинством рабочего класса*, с могучими индустриализированными центрами и с могучей, развитой промышленностью: в такой стране, которая пережила в 1918 году свою революцию, и которая *уже имела* опыт советов, тов. Троцкий *был решительно против лозунга советов*. Он выставлял тогда свою аргументацию, которая была, как показал опыт, неверна. Но в ней не было ничего „изменнического". Он говорил тогда таким образом: движение захватило большие массы, это движение идет через организацию фабзавкомов, и массовое движение выражается в стихийном росте этих фабрично-заводских комитетов; фабрично-заводские комитеты поэтому есть *та форма* организации, которая конкретно дана ходом событий сейчас; нужно вести дело к развязыванию сил и проч. *на основе этой своеобразной массовой организации* фабрично-заводских комитетов, а потом будет видно, вырастут советы или они будут не нужны. Так говорил Троцкий. Ленин, между прочим, считал, что революция, *даже* пролетарская, не обязательно должна быть *всегда* в советской форме. Неоднократно мы слышали от тов. Ленина такого рода рассуждения, что, с одной стороны, не каждая революция, даже пролетарская, должна быть в советской *форме* и что, с другой стороны, советская форма не обязательно должна означать

диктатуру пролетариата. В частности для Англии, например, Ленин считал, что диктатура пролетариата мыслима была бы и в форме власти профсоюзов или в какой-либо другой оригинальной форме. Ленин был очень осторожен. Другой вопрос, правильно ли было рассуждать так, подходя к конкретной обстановке в *Германии* в *1923* году. Я оставлю этот вопрос в стороне. Здесь я хотел только подчеркнуть со всей решительностью, что тов. Троцкий был *против лозунга советов* на пороге *пролетарской* революции. И никто не унижался до того, чтобы *за это* обвинять Троцкого во всех смертных грехах.

Все это помнят. А теперь за то, что Коминтерн не считает своевременным немедленный лозунг советов в Китае, тов. Троцкий осмеливается поднимать обвинения в измене и проч. Разве это не предел, мягко выражаясь, излишней... *самоуверенности*? Почему мы считаем, что неправильно выставлять сейчас и немедленно лозунг советов? Мы считаем, что в настоящее время, в таком фазисе революции, когда уханское правительство не есть еще даже рабоче-крестьянская диктатура, когда к этому дело только-только идет,—налицо имеется особая специфически-историческая форма *гоминдановской* организации, данная всем ходом развития, именно *она* является сейчас формой, которая чрезвычайно эластична, которая имеет большие революционные традиции, которая обнимает рабочих, крестьян и мелкую буржуазию, которая обладает еще величайшей способностью к своему

расширению во все стороны. Должны ли мы сейчас сказать, что мы плюем на всю эту машину и идем в *другую* сторону?

Этот вопрос нужно решить. Тут-то и начинаются тактические расхождения. Можно сейчас представить такую тактику: компартия выходит из гоминдана, организует *на стороне* советы *против* гоминдана или в прямом конфликте с ним. Совершенно ясно, к чему ведет эта линия. Ясно, что нужно тогда *плюнуть* на гоминдан, отдать его на поругание правых, плюнуть тем самым на уханское правительство, фактически переходить к тому, чтобы *сразу* же вступать в конфликт с уханским правительством и вести курс на его *свержение*. Это есть одна линия. Тов. Зиновьев и тов. Троцкий в своих первых тезисах, которые они нам предложили, писали, что нужно выдвинуть лозунг советов, и в *то же самое* время *там же* они писали, что необходимо во что бы то ни стало и всеми мерами *поддерживать* уханское правительство, превратить его в *организационный центр* революции, „откуда должен быть дан отпор Кавеньякам", т.-е. Чан-Кай-ши. Потом стало совершенно ясно, что это одно с другим *не совпадает*. И тогда тов. Троцкий в своих „собственных" тезисах, которые он потом внес в Исполнительный Комитет, вернее, в своей *статье*, внес прямое предложение (он, что называется, выложил все карты на стол), гласившее, что нам необходимо в настоящий момент создать *двоевластие* путем создания советского центра власти

против Ухана. Ухан-де есть „ничто", левый гоминдан есть „пустяки", — нам нужно создать центр другой власти, а *для этого* нам нужны советы.

Как видите, тут целый пук явных противоречий. В первых тезисах (Троцкий плюс Зиновьев) одним махом предлагается и всемерно *поддерживать* Ухан, и создавать советы *против* Ухана, и считать Ухан за организующий *центр* революции, и вести курс на его *уничтожение*. В статье тов. Троцкого это противоречие „снимается" путем простого фокуса: существующий Ухан объявляется несуществующим, равно как и левый гоминдан. Правда, тогда непонятно, как можно говорить о двоевластии. Во всяком случае, т. Троцкий через два — три дня после своего предложения о *поддержке* Ухана раскрыл карты и стал требовать открыто курса на *свержение* этого „центра" путем организации двоевластия. Тем самым он раскрыл действительное содержание *своего* лозунга советов. Однако так рассуждать нельзя. В самом деле, можно по-разному расценивать различные оттенки в левом гоминдане, но нельзя отрицать, что это — *огромнейшая массовая организация*. Когда т. Зиновьев был в Коминтерне, он писал, что гоминдан имеет 400.000 человек. А теперь гоминдан чрезвычайно вырос. С отколом правого гоминдана ушла только *головка*, ушли только представители *либеральной буржуазии*, а *массы* народа остались в гоминдане. Уханское правительство сейчас борьбу ведет. Его генералы *могут* ему изме-

нить, но существование его признается даже всей международной буржуазией. Как же можно его скинуть со счетов? Мы считаем, что Троцкий совершает здесь большую ошибку, точто так же, как он ошибался в 1905 году, когда он хотел перепрыгнуть через буржуазно-демократическую революцию и крестьянство. Всем известна его теория перманентной революции, его формула 1905 года: „без царя, а правительство рабочее". Точно так же здесь он *перепрыгивает* через гоминдан, он перепрыгивает через *уханское правительство*, которое он за два дня до этого объявлял центром для „отпора Кавеньякам". Мы считаем, что одной из основных задач сейчас является задача широчайшей демократизации гоминдана, на основе развязывания аграрной революции, организации крестьянских комитетов и крестьянских союзов на местах, вооружения масс и т. д. Конечно, отколы могут быть и будут, даже наверняка. Нельзя отрицать и того, что уханское правительство может быть дезорганизовано этими отколами или разбито врагами. Не исключено, что на основе сопротивления аграрной революции со стороны части левых гоминдановцев *наверху*, невозможна будет *такая* же поддержка этого правительства в его *прежнем* составе. Все это теоретически не исключено. Но из этого отнюдь не вытекает, что необходимо наплевать на гоминдан, как специфически китайскую организацию масс. Троцкий *в 1923* году *неудачно* „понял" особенности горманского развития, когда он хотел вместо советов поставить фабзав-

комы. А теперь он совершенно не видит действительно существующих специфических особенностей развития китайской революции, ее отличительных черт.

* * *

Теперь я коснусь последних китайских событий. Сейчас дело фактически идет по линии крупных успехов национально-революционной армии уханского правительства.

Однако положение уханского правительства довольно тяжело. Военная опасность еще велика. Войска находятся в руках, не всегда достаточно надежных. Развертывающаяся аграрная революция подымает на дыбы офицерский состав армий и генералитет. Восстание в Чаньша создало один из очагов контр-революции, за которым могут последовать и другие. С другой стороны, крайне затруднительно финансово-экономическое положение. Уже только для того, чтобы содержать армию, надо покупать. Если брать даром, то нужно брать у крестьян, что политически невозможно. В районе Ухана, этом центре революционного движения, имеются крупнейшие текстильные фабрики и крупные горные промыслы. Крупная буржуазия большинство фабрик закрыла и бежала в Шанхай, вынула вклады из банков. Часть средней и даже некоторые слои мелкой буржуазии тоже удрали, вследствие чего страдает экономическая жизнь. Буржуазия бежит. Мы в нашей резолюции написали, что нужно в таких случаях брать фабрики

и предприятия в свои руки. Это хорошо написать, но необходима в таком случае и такая „категория", как оборотный капитал, потому что нужно закупать сырье, нужно нанимать рабочих и т. под. Обстановка создает кучу затруднений, уханское правительство должно в отношении мелкой, отчасти и средней буржуазии маневрировать. Эта экономическая обстановка, наряду с военной обстановкой, наряду с непрочностью армии, должна заставить вас понять, какие задачи стоят перед китайскими коммунистами, и какие сложнейшие проблемы им приходится разрешать.

Китайские коммунисты должны прежде всего решительно порвать с колебаниями и шатаниями в своей собственной среде. Курс на развертывание крестьянского массового движения, на захват земли должен быть проводим со всей решительностью. Иная тактика теперь преступна. На этой основе должно происходить формирование верных вооруженных частей, на этой основе должна итти реорганизация гоминдана: *только* эта основа может послужить противовесом против отколов, перебежек, измен, перехода на сторону противника и т. д. Держа блок *с мелкой буржуазией*, гарантируя ей полную неприкосновенность собственности, гарантируя землю солдатам национальных армий и т. д., китайские коммунисты должны всеми мерами поднимать массы, втягивать их в борьбу, превращать армию в действительно народную армию, подавлять — поскольку есть силы — всякую контр-революционную попытку, опираясь на рево-

люционную ненависть масс к помещикам, джентри, контр-революционерам вообще.

Я не буду останавливаться на других вопросах. В заключение я хотел только сказать, что выступление наших оппозиционных товарищей было настолько из ряда вон выходящим, что, повторяю, даже люди чрезвычайно корректные, не любящие никаких „драк" и проч., в конце концов пришли в бешенство. Огромное большинство было за гораздо более решительные меры в отношении оппозиции. После того, как ИККИ принял резолюцию против оппозиции, Троцкий прочел декларацию, в которой говорится, что, „они" будут продолжать борьбу до конца. Вот как обстоит дело. Так как речь идет о вещах, которые крайне серьезны, так как сейчас наша оппозиция выступает и говорит уже, что вопрос о единстве нельзя ставить „вообще", а нужно ставить вопрос о единстве „на ленинской основе", а „ленинская" основа — это *их* основа, то, ясное дело, к чему это путешествие ведет, к какой станции оно может привести. На Исполкоме Коминтерна мы считали себя не только вправе, но и *обязанными* принять решение по поводу выступлений оппозиции. Это решение зафиксировано в той резолюции, которую Исполком Коминтерна принял, против *одного* голоса, голоса тов. Вуйовича, который сам тоже был подвергнут суду Исполкома Коминтерна.

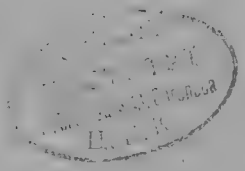
Надо сказать, что оппозиционерам была дана самая либеральная возможность говорить. Они получили по 45 мин., по часу, говорили не один

раз. Все эти документы, о которых я говорил, эти сотни страниц распространяли. Все делегаты их читали, все их аргументию слышали. Мы решили дать оппозиции бой, потому что, если для нас вся эта музыка уже ясна, то для некоторых иностранных товарищей она могла быть не совсем ясной. Мы этот бой провели, и в конце боя совершенно ясно стало, что *все решительно* укрепились в том мнении, что дальше терпеть нельзя, и что нужно принять хотя бы минимум тех мер, о которых мы постановили в резолюции Исполкома.

Вот, товарищи, как обстоит дело с нашей оппозицией. Мы думаем, что даже та маска „достоинства", которую некоторые товарищи предполагали лично у Троцкого: „рыцарская" фигура, поза, храбрая защита своих взглядов и т. д., — эта самая маска разлетелась вдребезги. Теперь оппозиции никто *не верит*. 16 октября оппозиция давала „торжественные обещания", а теперь она плюет на свое „честное слово", данное партии. 16 октября оппозиция заявляла, что она торжественно обещает с группой Урбанса — Маслова никаких дел не иметь, а теперь оппозиция интимно связана с этой группой, и центральный орган этой группы делается центральным органом оппозиции. Теперь оппозиция обвиняет в измене ЦК нашей партии и руководство Коминтерна, обвиняет в том, что на определенном этапе китайской революции ЦК ВКП(б) и Коминтерн шли вместе с китайской буржуазией. А всякий знает, что они сами в этот период сидели в руководя-

щих органах ВКП(б) и Коммунистического Интернационала и принимали участие во всей этой работе. На последнем пленуме Исполкома они пустили свою последнюю стрелу из колчана. Рыцарские „добродетели“ были расшифрованы на пленуме Исполкома, и была разоблачена та маскировка, которую оппозиция применяла в борьбе против руководства Коминтерна и ЦК нашей партии. Вот почему Исполком Коминтерна выходит на путь еще более крепкого сколачивания кадров наших коммунистических партий. Весь Коминтерн, пройдя через этот очередной этап внутренней борьбы, консолидируется еще более крепко, еще более устойчиво. Само собою разумеется, что потрясающее впечатление производит на всех такой характерный факт: мы стоим в настоящий момент перед колоссальными трудностями, против нас ополчился английский империализм со всеми своими вассалами, против нас стоят силы Чжан-Цзолина, налицо факт разрыва англо-советских отношений и т. д., события развертываются с поразительной быстротой. А тов. Троцкий в своих тезисах формулирует следующее положение: ***самой опаснейшей из всех опасностей является... внутрипартийный режим в ВКП(б) и Коминтерне!*** Если человек имеет *такую* перспективу, если он видит главную „опасность“ *здесь*, если внутрипартийный режии ВКП(б) и Коминтерна есть *главный* враг, то бей по этому главному врагу! А Чемберлены и прочее — это уж на заднем плане, с этим можно повременить. Как ни дергала нас оппозиция, как

ни тормозила она работу пленума, все-таки пленум заострил свое внимание на всех важнейших вопросах, отнесся по-деловому к разрешению стоящих перед ним проблем и решил эти деловые проблемы так, как это полагается руководству Коминтерна. Вот почему мы надеемся, что в меру роста наших компартий, в меру консолидации наших сил,—14 год не повторится, 14 году не бывать. В 1927—28 гг. и Коминтерн свое веское большевистское слово в решающих битвах скажет (Бурные аплодисменты, переходящие в овацию, вся аудитория встает).



Цена 10 коп.

Р.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Харьков, ул. Свободной Академии, 5. Тел. 10-07.

Москва, Кузнецкий мост. д. 5/15, уг. Б. Лубянки.
Телефоны: 3-01-99 и 3-17-55.

1621